Павел Булыгин

Избранное

Стихотворения

г. Гороховец

ББК 84 (2Рос-Рус)6-4
Б 90

Булыгин, П. Избранное: стихотворения / П. Булыгин. – Гороховец: МБУК «СКЦ им. П.П. Булыгина», 2022. – 48 с.

Составители – Н. Орлова, В. Осипова
Компьютерная верстка, дизайн обложки – В. Осипова
Редактор – Л. Бусько

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Современный культурный центр им. П.П. Булыгина»
Гороховецкого района Владимирской области

г. Гороховец,
2022 г.

«МНОГО ДОРОГ МНОЙ ИСХОЖЕНО...»

Павел Петрович Булыгин родился 5 февраля 1896 г. в д. Михайловская Гороховецкого уезда в семье земского деятеля. Детские годы прошли во Владимире. В 1915 г. окончил гимназию, поступил в Московское Александровское военное училище. В 1916 г. Павел Булыгин был выпущен в лейб-гвардию в Петроградский полк, участвовал в 1 Мировой войне. Боевое крещение принял на реке Стоход, после ранения под Владимиром-Волынским был демобилизован. Награжден орденом Святой Анны 4-й ст. Как истинный монархист не принял Октябрьский переворот. Вступив в белую Добровольческую армию, участвовал в «Ледяном походе» Корнилова. Состоял начальником личной охраны вдовствующей императрицы Марии Федоровны. По её просьбе участвовал в попытках спасения царской семьи, а в дальнейшем в расследовании по делу об её убийстве вместе со следователем Соколовым. Материалы следствия были обобщены Булыгиным в книге «Убийство Романовых. Достоверный отчет». Эмигрировал, проживал во Франции, Германии, в Прибалтике. Писал стихи, рассказы, работал как военный эксперт в Эфиопии.

Впервые стихи П. Булыгина были опубликованы в Берлине в журнале «Двуглавый орёл» (1921-1923гг.), там же в 1922 г. вышел в свет его первый поэтический сборник «Стихотворения». Второй был опубликован в Риге в 1937 г. В 1930 г. на конкурсе зарубежных поэтов и писателей в Варшаве был удостоен I премии за поэму «Пороша».

В 1934 г. уехал в Парагвай. Помогал организовать русскую колонию для старообрядцев из Прибалтики. 17 февраля 1936 г. скончался от сердечного приступа в возрасте 40 лет. Похоронен на русском кладбище в Асунсьоне. О том, как любил Павел свою Родину, как тосковал по России, рассказывают нам его стихи и рассказы, проникнутые грустью, невыносимой болью, страданиями и тоской.

В ПОЛЯХ

Холмы, поля, гречиха, рожь да лён;
Луга, опять поля, как море, рожь.
Пора уж жать. Без тучки небосклон,
Июльский день не жарок, но погож.

Кой-где махнут вдали за косогор
Заплатанные крылья ветряков.
Какой-то город на реке. Собор
Блеснул на солнце искрами крестов.

Совсем село – на город не похож –
И весь в садах. За речкой – монастырь
Белеет в зелени. А дальше – рожь,
Опять поля, опять простор и ширь!

И так весь день. Мне радостно скакать
Куда-то вдаль, в вечерние поля,
Мечтать, грустить и сладко осознать,
Что в сердце тишь, что вновь зовёт земля.

КАК ПРЕЖДЕ

Всё было, как прежде, как было не раз:
Темнела печаль небосклона.
Глядел я в мерцанье тоскующих глаз,
Прощаясь с тобой у вагона.

Тебя утешая, к глазам прижимал
Твои холодевшие руки,
Но тронулся поезд и я задрожал
В предчувствии долгой разлуки.

Коряк, платф. 1913

ВАСИЛЬКИ

М.П. Булыгиной

Синие глазки! Их много во ржи,
Я нарву себе целый букет;
Я окно отворю,
В вазу воду налью,
Будет радостно в доме моём.
Отчего я люблю васильки так, скажи?
Васильки - это поля привет,
В них небес синева,
В них полей тишина...
Приходи, будем рвать их вдвоём.

Михайловское, 1913

ЗИМНЕЕ УТРО

Вставай же скорее, как стыдно
Так спать! Погляди-ка кругом:
И сад и усадьба покрыты
Пушистым и мягким ковром.

И в доме так весело: в печках
Дрова, разгораясь, трещат,
На окнах, на солнце, сверкая,
Морозные елки горят.

Заложим-ка тройку лихую
Любимых буланых коней.
Ты видишь там даль снеговую?
Как любо промчаться по ней!

Михайловское, 1913

СТАРЫЙ ДОМ

В тёмном парке, над рекою
Старый дом стоит,
Тихо в нём и запустенья
След на всём лежит:
Грустно смотрят стёкла окон
На заглохший сад
И помятые куртины
О былом грустят;
Покривилися ступени,
Мхом зарос балкон –
Скучно в старом доме, видно,
Всеми брошен он...
Но... лишь последний замирает
Отзвук полночи глухой
Над далекими полями,
Над уснувшею рекой,
Старый дом весь оживает:
Зажигаются огни,
И в высоких мрачных залах
Слышны легкие шаги...
Ночь полна загадкой странной:
В чёрном парке над рекой
Тени движутся былого,
Озарённые луной.
Движется, что прежде жило,
В тихом сумраке ночном
И живёт... пока с рассветом
Не уснёт могильным сном...

Владимир, 1914

УТРО

Утро встало. Солнце льётся.
Небо ясно. День погож.
Я иду межой, смеётся
Васильками ярко рожь.

Звонко жаворонки лепечут.
След теряется межи.
И высоко в небе мечут
Стрелы меткие стрижи.

И куда ни кинешь око –
Всюду море юной ржи,
Небо синее глубоко...
Разве плохо жить, скажи?

Михайловское, 1914

* * *

Видно осень близка.
Лес угрюмый шумит.
Понахмурились сосны и ели,
Жёлтый лист опадает, летит...
И осины совсем покраснели.

На полях не пестреют уж жницы,
Пусто в них, хлеб давно уже снят.
По зорям журавлей вереницы
Над полями сырыми кричат...
Видно осень близка...

Михайловское, 1914

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Понадвинулась туча лиловая.
Чёрный лес так сердито шумит;
Всё сильнее тоска предгрозовая,
Жёлтый лист опадает, летит.
Всё сильнее удары грозящие,
Реют птицы – предвестники бурь.
И грустит полосой уходящею
Истомлённого неба лазурь…
Чем темней эта туча свинцовая,
Чем сильнее раскаты гремят,
Ярче тем полоса бирюзовая,
Куда взоры так страстно летят…

Михайловское, 1914

ОСЕНЬ

Дождь, надоевший, по крыше стучит,
В парке промокли берёзы.
В окнах дождливая сетка висит –
Мелкие скучные слёзы.

Выйдешь ли в поле – всё дождь моросит:
Холодно, пусто и тихо.
Только в овраге вдали верезжит,
Плачет осеннее Лихо.

В лес ли взойдешь – сиротливо дрожат
Зябко ветвями осины,
Да, как забытые кем-то, горят
Красные грозди рябины.

Михайловское, 1914

РОМАНС

Распустилась сирень у меня под окном,
Зацвели её кисти махровые.
Я сижу и любуюсь, как падает тень
От листочков на грозди лиловые.
Много свежести в этих весенних цветах –
Их окрасило небо далёкое.
Я сижу и мечтаю о прежних годах,
О тебе, моя жизнь одинокая.

Михайловское, 1915

ВЕСЕННЯЯ СУББОТА

Н.П. Булыгиной

Как хороша весна! Какою силой новой
Мне в душу веет ширь распаханных полей!
Как я люблю там, в бездне бирюзовой,
Следить свободный лёт далеких журавлей!
Взойди ты в лес – душистая там пышно
Цветёт черёмуха, горят на ней лучи.
Прислушайся: под листьями чуть слышно
О счастье, о весне журчат, поют ручьи.
Как я люблю тебя, весенняя суббота!
К молитве звон зовёт далекого села.
Тяжелая окончена работа...
И тишина свои тенета заплела.
А синий вечер тихо, тихо тает,
И бледно-розовый темнеет небосклон.
Далёко звон вечерний замирает.
На крыльях медленных, дрожа, слетает сон...

Александровское Военное училище, октябрь 1915

ШАРМАНКА

Люблю послушать к моему окну
В вечерний час забредшую шарманку:
В лохмотьях музыкант, а на его плече
Озябшая старушка-обезьянка.

У старика красивое лицо,
Но взгляд его безжизненный и вялый.
Все окна заперты – не слушают его,
И ручку вертит медленно, устало.

Какой-то старый позабытый вальс,
Рыдает глухо хриплая шарманка.
Душа болит, болит… Конца мелодьи нет…
Дождь моросит, промокла обезьянка.

Окончен этот вальс, теперь плывет
Унылый и знакомый «Над волнами»…
Как много вспомнил он! А дождик моросит,
И двор окутан синими тонами.

Старик устал и медленно бредет…
Как холодно, как тяжела шарманка!
Дрожит чахоточный измученный зверек…
Как далеко до Охты от Фонтанки…

Петроград, 1916

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Знакомые места. Песчаный косогор
К реке спускается отлого.
Небес синеющих безбережный простор.
Сосновый лес шумит так строго.
Вот церковь вдалеке — здесь прадедов моих
Заброшенные мраморные плиты,
Уж некому прийти поплакать здесь о них,
И имена их жизнью уж забыты…
Но дальше, мимо. Сжатые поля
Раскинулись безлюдно и уныло —
Родная и любимая земля!
Как всё знакомо здесь и как всё сердцу мило!
Спускается дорога под откос.
Холмы, покрытые краснеющей осиной.
Блеснула тускло речка; луг, покос,
Лиловым вереском поросшая долина.
Вот и усадьба. Старые берёзы
Всё также сторожат её; вот сад —
Но как разросся он! И навернулись слёзы,
И радостью и скорбью я объят.
Уж сада не узнать: как разрослись сирени,
Былых дорожек нет уж и следа,
Куртины заросли, как много стало тени,
Как вырос этот клён, чуть видимый тогда…
Да, сада не узнать… Лишь старая скамья
Стоит одна, знакомая как прежде.
Всё изменилось здесь, и я
Вернулся уж другим, усталым, без надежды…
А вот наш дом, мой старый друг,
Стоит один средь сада увяданья.
О, Боже мой, как в сердце, вдруг,
Нахлынули волной воспоминанья!
Бредёт старушка: «Нянюшка, здорово! —
Оглохла знать совсем, — меня не узнаешь?»
Узнала, плачет… «Милая, былого,

Плачь или не плачь, всё ж к жизни не вернёшь!
Что, изменился я?» — Голубчик, сокол ясный?
«Ну, сокола-то нет»... Что плачу? – Это так,
От радости... «Ну дождалась, прекрасно,
Что ты жива, не думал я никак...»
– Голубчик мой, родимый, как я рада!
Не думала сама дождаться снова я.
Они не дождались... «Ну милая, не надо,
Не говори о них, расплачусь снова я.
Не плачь, не плачь, пойдем-ка лучше в дом,
Тебя теперь я больше не покину.
А вечерком подсядем мы к камину
И ты мне, нянюшка, расскажешь обо всем...»

Париж, октябрь, 1920

ЖИЗНЬ

Н.М. Ронжиной

Жизнь – это призрак-экспресс,
Ночь прорезавший жутко огнями;
Жизнь – лучистая тайна небес,
Купол, затканный весь жемчугами;
Жизнь – постылая сказка старух
Под тоскливый напев непогоды;
Жизнь есть бой, закаляющий дух,
Бой жестокий с людьми и природой.
Жизнь – угрюмый седой монастырь,
Кипарисом пропахшая келья,
Жизнь – безбрежная водная ширь,
Жизнь – борьба и зевота безделья.
Жизнь – мечта, только встретится с ней
Тот, кто к цели стремится упрямо,
Жизнь – сплетение разных путей...
Дай Бог силы идущему прямо.

Москва, 1915

ДАЛИ

Бесконечная, безбрежная
Ширь кругом легла одна,
Краски в небе гаснут нежные,
И колдует тишина...
Растянулся, пораскинулся
Горизонт к краям небес,
И далеко отодвинулся
Синей лентой дальний лес.
Рожь волнуется, как море,
Песня слышна далеко...
Где же ты девалось, горе?
О, как дышится легко!

Владимир, 1 января 1917

ЯЛТА

Всё море и море, лазурное, ясное,
С отливом рубина в закатных лучах.
Безволно-шумливое, вечно прекрасное,
Блестит бирюзою в прибрежных струях.

Ни облака в синей безбережной чаше
Небесного купола. Вечер горит.
Что значат волнения, радости наши?
Не всё ли равно, если море шумит?

Чей парус белеет там, в розовой дали?
Стремится в безвестность неведомый чёлн.
И небо и море лиловыми стали...
Как думы, меняются отсветы волн.

Ялта, сентябрь 1918

МОЕЙ МАМЕ

Как хочется домой! Как хочется мне ласки —
Я так измучился на жизненном пути...
О, если б можно было в детство мне уйти
К забытой няниной наивной, детской сказке!

Так хочется домой, хоть я совсем иной...
Я так соскучился по маленькой кроватке,
Я так соскучился по розовой лампадке,
Зажжённой в уголке любимою рукой.

Так много дней, меняясь, протекло!
И сердце миновавшему простило,
Но всё ж его, тоскуя, не забыло
И в этом счастье грустное нашло...

Кубань, поход, 1918

РОМАНС

Посв. Д.М.Фесенко

Неяркий блеск янтарного заката,
Вечерний звон, плывущий над рекой –
На сердце странно так. И снова, как когда-то,
Припомнился далекий образ твой,
Всё кончено, и нет давно обмана,
Я сам вернул ненужное кольцо.
Так для чего ж взглянуло из тумана
С такой тоской знакомое лицо?..
Былого нет. И нет ему возврата.
Гроза прошла. Я крепко, крепко сплю,
Но в этот тихий час мерцания заката.
Я снова твой, я так тебя люблю!

Париж

БЕРЕГИТЕ ЦВЕТЫ

Мы все сошли с ума! Во тьме кромешных дней,
Бессмысленных ужасных преступлений
Мы растоптали жизнь и мечемся над ней,
Как жуткая толпа безумных привидений.
И радости уж нет и смех наш ненормален:
Оставил Бог забывших Свет людей.
Нет в жизни Красоты, и средь её развалин
В минуты горькие мы молимся о ней.
Нет старости былой — спокойной, благодушной –
Замучена, голодна и больна.
В кровавом хаосе пороков равнодушных
Нет старости у нас – озлоблена она!
Нет юности былой – порывистой и бодрой –
Влечёт её проклятая волна:
Нет юности святой, доверчивой и доброй,
Нет юности у нас – состарилась она!
Людей давно уж нет… Остались только дети!
Спасите их от жизни и людей!
Ведь гибнет Божий Сад! Спасите розы эти!
Надежда только в них – спасите нам детей!

Верхнеудинск, 1919

* * *

Как хочется домой, как тяжела чужбина.
Я так измучился на жизненном пути.
Моих полей широкая равнина,
Мои леса, о, если б к вам уйти!
Мой тихий дом, моя семья родная,
Я вижу вас в печальном, грустном сне.
Как рвётся к вам моя душа больная!
Мне тяжело – молитесь обо мне…

Харбин, 1920

19 ОКТЯБРЯ 1914 ГОДА

Шесть лет прошло, но этот день опять
В душе перевернул забытые страницы.
И вижу я полей родимых гладь,
На розвальнях твой гроб, семьи за гробом лица.
Октябрьский день. Снег медленно идёт.
Раскрыта мёрзлая, холодная могила.
Нестройный хор разрозненно поёт,
Торжественно, но как-то грустно и уныло.
Народом переполнен бедный храм;
Издалека сюда собралися крестьяне
Проститься с тем, кто был душою прям
И прост, и сердцем чист и добр, как христианин.
Среди толпы сермяжной скромный гроб,
Обставленный кругом хрустящими венками,
Среди живых цветов твой побледневший лоб…
Как пахнет ладаном, овчиной и цветами!
Я помню мрак закрывшихся очей,
Спокойное лицо, исполненное мира,
И жёлтый блеск мерцающих свечей
На тусклом золоте дворянского мундира.
Протоиерей, твой друг и духовник,
Поёт торжественно о праведных селеньях,
Да, знать любил: расплакался старик,
И молятся крестьяне на коленях.
Ты понял всё, отец, и оттого
Твоё лицо так радостно и ясно,
Так успокоенно, довольно и прекрасно…
Оставив мир, узрел ты свет Его…

Париж, 19 октября 1920

НА БУГРАХ

А.П. Булыгиной

В чаще влажной зелёного бора,
Только снег запоздалый сойдёт,
Между прелою хвоей уж скоро
Белый ландыш опять зацветёт.

Развернётся, посмотрит с улыбкой,
Белой грудкой душисто вздохнёт.
Лес подсохнет, теперь такой липкий.
Подожди, только солнце взойдёт,

Заиграет в сетях паутинки,
Лужи золотом все разольёт
И поглубже лесною тропинкой
Ночь от света дневного уйдёт.

Голубою глубокою чашей
Опрокинулось небо, зовёт…
Нет весны нашей северной краше!
Я люблю её светлый приход.

В чаще влажного темного бора,
Только снег побуревший сойдёт,
Между прелою хвоей уж скоро
Белый ландыш опять расцветёт.

НОЧЬЮ

Сегодня я проснулся поздно ночью
И долго, радостный, не мог прийти в себя:
Мне снилися угаснувшие очи...
Я говорил с тобой — я так люблю тебя!

Проснулся. В комнате, уже остывшей,
Уютно, дремотно. И ночь ползёт, ползёт...
Зажёг свечу. Шуршат за дверью мыши,
И телеграфный столб за окнами поёт.

И долго я с открытыми глазами
Лежал и слушал нудный стон его, потом
Прошёл к окну. По снегу полосами
Трепещут тени леса. Всё объято сном.

Пора глухая — ты её любила...
И там, на Родине уж скоро заснежит...
И побелеет дальняя могила...
Родимая моя, ужели я забыт?

1921

* * *

Подожди, подожди до утра,
До рассвета со мною побудь.
У лесного, глухого костра
Прежней, ласковой, чуткою будь...
Небо бледным проснется с утра
И потянется длительный путь;
За туманами ты не забудь
Теплоту золотого костра!

* * *

Я не люблю людей, в них раздражает
Притворство, ложь, неискренность, обман;
Кривлянье их порой напоминает
Плохих актеров скверный балаган:
В провинции, в уездном городишке
Ломается накрашенный актер.
И пьеса глупая: любовь, интрижка,
Рогатый муж, мораль – дешевый вздор.
Все б ничего, кому-нибудь ведь надо
Играть для пастухов? И не беда,
Пускай ломается – толпа так рада!
Я не о том; но плохо то, когда
Такой паяц начнет играть Шекспира
Без вдохновенья, страсти и огня,
Того огня, которым образ Лира,
Еще ребенка, потрясал меня!
Вот падает трагически пред нами
На деревянный меч презренный шут,
Стучит в гробу бессильными костями
И плачет оскорбленный бедный Брут!
И в жизни так: чем больше в ней страданья,
Тем бутафория у нас пошлей…
И простота лишь разве в умиленьи.
Нет, нет, я не люблю людей…

1921

ДОМА

Сыро в саду, неприветно,
После дневного дождя.
В сумерках еле заметно,
Смутно белеет скамья.
Астр разноцветные пятна,
Звёздочка светит одна...
Как-то яснее понятна
Грусть уходящего дня.
Где-то вдали то и дело
Нервно мигают огни.
Астрам цвести надоело,
Скоро завянут они.
Только настурции жарко
Будут на клумбах пылать,
Их умирание ярко.
Саду пора умирать.
Утренник будет всё крепче,
Будет ненастье всё злей,
Буду ходить каждый вечер
В глубь поредевших аллей.
Тихо ступая на пёстрый,
Пышный, шуршащий ковёр,
Буду вдыхать пряный, острый
Воздух. Потом за забор
Выйду пустынной дорогой
В поле один постоять
И посмотреть, как у стога
Галок сбирается рать.
Что им здесь надо? Откуда
Столько слетается их?
Каркают, ссорятся... Худо,
Видно, согласье у них.
Как уходящее счастье,
Отблеск во мгле облаков.
Ночью завоет ненастье

Сотнею злых голосов;
Будет рукою жестокой
В окна и двери стучать;
Там, за полями, далеко
Голосом диким кричать.
Весь истоскуешься ночью,
Слушая стоны в трубе…
Если бы ночь покороче!
– Слишком тревожно здесь мне…
– Утром проснешься: как в сказке!
– Липы стоят в серебре.
Эх, кабы детство, салазки!
Бело совсем на дворе.
Жизнь полюбивши, я снова
Буду ходить по полям,
Все ощущения новы —
Словно моложе я сам.
Сумерки будут ползучи…
Буду сидеть у огня,
Вспомнив, как было здесь лучше,
Вспомнивши снова тебя…
В мягких объятиях кресел
Так хорошо вспоминать,
«Что ты, соколик, не весел?
Хочешь, приду погадать?»
– Полно, какое гаданье!
– *Я* уже стал старичком.
«В эти-то годы?» — Да, няня…
Знаешь, не будем о том…
Лучше, задуй-ка ты свечку,
Сядь, да мне сказку скажи,
Помнишь, как в детстве? А в печку
Новых дровец подложи.

Берлин, 1921

ЖИЗНЬ

Барону В.Л. Остен-Сакен, Тетенборн

Мы в тесноте бессмысленно блуждаем,
Старея и грубея каждый час,
Откуда и зачем пришли? – не знаем;
Не знаем, кто для жизни вызвал нас.

Разбивши обманувшие кумиры,
Мы строим новые, чтоб их разбить.
И жизнь смеётся хохотом сатира…
О, жизнь, зачем так зло дразнить!

Не сделав ничего в тоске бесплодной,
Уходим мы, чтоб место дать другим,
И память-то о нас в толпе холодной
Развеется, как пред зарёю дым

Потухшего костра на брошенном биваке,
Как копоть нагоревших ночников,
Как эхо, потонувшее во мраке,
Как след коня в зыбучести песков.

Уходим мы… Приходят в мир другие,
Чтоб тоже бесполезно тосковать,
Искать свои пути «совсем иные»,
И, не найдя, уйти – к чему искать?

1921

Лейб-Гвардии Петроградского полка фельдфебелю Ивану Петровичу Петрову, Георгиевскому кавалеру Горного Дубняка; умер 93-х лет, за несколько недель до революции 1917 г.

* * *

Спокойно спи. Ты свой исполнил долг,
Тяжёлый долг гвардейского солдата;
Ты, как семью, любил свой славный полк
И в нём дождался тихого заката.
Ты вовремя ушёл. В забвеньи гробовом
Ты не узнал позора распаденья,
Ты не видал под царственным орлом
Кровавой тряпки — символа паденья.
Во дни позора армии родной
Ты не смотрел, сжав зубы и без стона,
Как пред шутом бессильной головой
Склонялися столетние знамёна!
Ты не видал, как свой родной солдат,
Дававший столько мужества примеров,
Бежал без выстрела домой, назад,
И оскорблял страдальцев-офицеров.
Ты помнил славу Плевны, Дубняка,
О них ты нам рассказывал порою.
Ты честно отслужил, прощай!..
Легка Земля пусть будет старому герою.
Когда болит душа и нет покою,
В часы тревожных дум бессонницы ночной,
Встают из тьмы и длинной чередою
Ушедшие бойцы проходят предо мной.
И чудится в томительном виденьи,
Что за пределами могильной борозды
Вокруг страдающей Великой Тени
Царёвой Гвардии смыкаются ряды.

Берлин, 1921

ДЕТСТВО

Проснёшься ночью: в детской тихо, тихо,
Тепло, уютно. Маятник стучит
Упрямый, старый. На лежанке тёплой
Мурлычет кот, пригрелся и лежит.
Мерцает светом розовым лампадка.
На белом непокрашенном полу
Лежат большие лунные полотна.
Трещит сверчок за печкою в углу
Так дрёмотно. Опять было закрылся
Один мой глаз, но, вдруг, издалека,
Потом и близко, звонкий колокольчик;
Уж тройка у ворот – коренника
Я узнаю бряцанье глухарями.
Двор яркий, голубой. Степан открыл
Скрипящие замёрзшие ворота
И белый пар от тройки повалил.
Отец вошёл и говорит в передней,
Скорей к нему: погладить шерсть лисы
Громадной шубы, пошалить немножко,
Поцеловать обмёрзшие усы
И, получив щелчок – под одеяло.
Приходит няня: «Ну, ты, егоза,
Опять не спишь?» Но я уже согрелся
И тёплый сон слепит мои глаза.

Берлин, 1921

* * *

Одинокой душе безвозвратно минувшего,
Как досказанной сказки, мучительно жаль,
Как осеннему небу звезды промелькнувшего
Огонька, безнадежно упавшего вдаль...

1921

* * *

«Пройдут года. Не станет и следа
От ваших пестумов, быть может».
(Блок. Скифы)

«В белом венчике из роз
Впереди Исус Христос»...
(Блок. Двенадцать)

Мне говорят: спасется все ж Россия,
Что сам Христос ведет наш утлый чёлн,
Что разлилась безудержно стихия,
Что мы лишь мутный отплеск бурных волн;

Что час возмездия подходит ближе,
Что старая Европа уж трещит;
Что будем мы на подступах Парижа,
Что будет взят Берлин на скифский щит.

И что пройдя через костер страданья,
Увидим мы, как это было встарь:
Из пепла, горя, муки, покаянья
Поднимется Великий Государь!

Быть может, суждены пути иные
И будет так – кто это может знать?
Я не могу безумно не рыдать
На кладбище твоем, моя Россия!

Берлин, 26 августа, прав.ст. 1921

СЕСТРЕ

Никто, как я, тебя понять не сможет,
Касаточка печальная моя,
Я знаю — тяжела судьба твоя,
Но верю, что Господь тебе поможет.

В часы тоски, когда рассудок нем,
Взгляни наверх, почувствуй звёзд узоры;
Поймешь ты вновь, что смерти нет совсем...
И стихнут в сердце горькие укоры.

Хоть он ушёл, но всё ж оставил след —
Ты не одна: взгляни, какою лаской
Сияют детские родные глазки!
А у меня и этого ведь нет...

Поверь, вся эта жизнь — лишь сновиденье,
И радостно нам будет пробужденье.

1921

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ ИНПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕДОРОВНЕ

К Твоим стопам, Страдалица Царица,
Дерзаю я смиренно положить
Разрозненные первые страницы
Своей тоски и мыслей вереницы,
И о прощеньи Родины молить.

И верю я, что Ангел Утешитель,
Собравши слезы царственных очей,
Их отнесет в Священную Обитель,
И Сам Христос, Великий Искуситель,
Утешит скорбь и боль души Твоей.

* * *

В моем окне, где в сумерки с шуршаньем
Роняет листья медные каштан,
Сквозь сладкую тоску воспоминанья
Встают картины позабытых стран.

Еще немного, и совсем поверю,
Что это я на рыжем скакуне
Несусь вдогонку раненому зверю
С моей стрелой на вытертой спине.

Кто девушка, пришедшая с народом?
Забилось сердце радостно мое!..
А вот шатер, и перед входом
Бараний череп, вдетый на копье...

Повозки, степь... Немного ноет рана,
Над головою фыркает верблюд.
Мычат волы обоза Тамерлана,
Зуны, рожки – куда-то вдаль зовут...

... «Сестрица, пить!» ... Откуда эти стоны?
Здесь что-то новое совсем вплелось...
Телега, степи... Но на мне погоны!
Ах, Боже мой... Корниловский обоз!..

Германия

* * *

Умолк еще один на сердце горький ропот,
И в мыслях умерла еще одна тоска.
Слышнее и слышней мышиный смерти шепот,
И улыбается могильная доска.
Конец уж близок мой… Ну что же на прощанье
Сказать тебе, мой старый тесный шар?
Не нужен я тебе… Скажу, не в оправданье, -
Меня не увлекал твой маленький пожар.
Мне грустно было здесь… Порывы вдохновенья
Сменялися тоской заплаканных ночей.
Наскучили мои неловкие паденья,
И я, любя, сгорал, но все же был – ничей…
Простимся мирно мы, не надо укоризны,
Я удержу поток полуостывших слез.
Я тихо отойду. Друзья не справят тризны.
И память заглушит забвения мороз.

Германия

* * *

Отчего мне скучно этой ночью?
Я стою один на брошенном пути.
С призраком тоски вновь встретился воочью –
Старый недруг мой, мне больно – отпусти…
Зачернили небо силою несметной
Галки. Сердце снова сжала жуть.
И томит тоскою беспросветной
В даль ночную уходящий путь.

ВИДЕНЬЕ

Забылся я сегодня на мгновенье,
Я не видал еще такого сна.
Мне чудилось великое виденье,
Им и сейчас душа моя полна.

Мне снилось, что стою я на высокой
Горе, вдали туман родных степей,
Восток алеет. Ветер издалёка
Доносит запах утренних полей.

Сверкнуло солнце. С первыми лучами
Туман растаял, как недобрый сон,
И город заблестел церквей крестами,
Рванулся в воздух гулкий перезвон.

Москва, Москва! Зубцы кремлевских башен,
Сады, дворцы и купола церквей!
Москва воскресла! Сверженный не страшен
Кровавый зверь Красавице моей!

Дрожит весь воздух стоном колокольным
И кликами мильонов голосов, -
То Царь въезжает в град первопрестольный
Земли родной, услышав сердцем зов.

А в небесах над Родиной высоко,
Благословляя Самодержца въезд,
Горит в огнях пылающих Востока
Святой осмиконечный древний крест.

Просткен, 24 окт. Прав.ст., 1921

СТОЖАР

Ночь подошла стопою незаметной.
Уж догорел над городом пожар.
И горсточкою в небе самоцветной
Заискрился задумчивый Стожар.
Есть старое преданье, забывая,
О нём ещё толкуют в деревнях:
Что каждая звезда — душа святая,
По смерти здесь, сияет в небесах.
Есть тайный смысл в мерцании над бездной,
Есть свой закон в движении светил,
Не потому ль в глубины ночи звездной
Глядит с тоской, кто Бога не забыл?
Я знаю, с детства ты смотреть любила
На трепетный, мерцающий Стожар,
Я помню всё, что жизнь уж позабыла,
И ничего не вытравил угар
Проклятой жизни… Я устал от злобы,
Я утомлён изгнанием моим,
Я верю: там мы вновь сойдёмся оба,
Я верю трепетаниям твоим,
Великое созвездье! Загорелся,
Затеплился лампадный огонёк
Ещё один в твоём венце. Зарделся
В душе призыв… Когда же? Одинок
И грустен я, пути мои туманны,
В усталом сердце злой утраты жар…
Но нет, я не приду туда незваный,
Я буду ждать… Пока, прощай, Стожар!..

1921, Берлин

* * *

Кн. Л.И. Дондукову-Изъединову

Я видел сон: каникулы и святки,
Мой поезд подошел – приехал я домой.
Как резво мчат знакомые лошадки!
Пристяжки скачут, рвётся коренной.
Бледнеют на небе заката краски.
Предела грёз, волненья, счастья нет!
Скорей домой, под кров родимой ласки!
Ведь мне всего пятнадцать лет…

И вспомнилась страстная мне суббота:
Оттаял снег, явилися грачи.
Везде кипит знакомая работа
И в доме вкусно пахнут куличи.

Я вышел в сад. Весенний вечер тает,
Спускается на землю синий сон,
Из-за леса сквозного наплывает
Великопостный заунывный звон,
Прозрачный воздух гаснет безмятежно.
Сомнений, дум совсем на сердце нет.
И я влюблен так трепетно и нежно…
И мне уже шестнадцать лет!

ИЗ ПЕСЕН НЕДОПЕТЫХ:

I

ВЕСНА ВО ВЛАДИМИРЕ

Снег рыхлый грязно-жёлтый. То и дело
Полозья санок камни мостовой
Царапают. Ученье надоело.
Запахло в влажном воздухе весной.

По вечерам зовущий монотонный
Великопостный заунывный звон.
Старинный храм, свечами озарённый,
Лампадное мерцание икон.

В оттаявшем бульваре солнце. Галки
Садятся шумной стаей на забор.
Уж скоро будут первые фиалки, –
Так хочется за Клязьму, на простор.

Мне радостно и нежно не на шутку
В толпе, где все давно уж знают нас,
Увидеть серую родную шубку
И встретить ясный взор лучистых глаз.

II

Солнце ласково греет проталинки,
Небо синее, пахнет весной.
Ты мне кажешься девочкой маленькой
В этом платье, и хрупкой такой.

Почерневшей дорогой размытою
Мы уйдем с тобой в Старый Заказ.
Пробуждаются силы сокрытые:
Солнце, небо, весна – всё для нас!

Сосны мокрые, радостно новые,
Ещё издали слышно, звенят.
Что сказать тебе, думал здесь снова я,
Пусть они за меня говорят.

III

В МИХАЙЛОВСКОМ

Месяц поднялся. Из влажного сада
Веет цветами ночная прохлада,
Скошенной пахнет травой.

Сильно и плавно взлетают качели,
Звёзды мерцают, качаясь сквозь ели,
Сосны скрипят надо мной.

Слышишь, в деревне играет гармошка.
Не уходи, посидим здесь немножко –
Жалко ложиться мне спать.

Ночь обступила, как старая сказка.
Сердце сжимает мне тёплая ласка,
Хочется что-то сказать...

Что же сказать тебе? Слов так немного!
Знаю одно я: какая б дорога
Мне ни была суждена,

Сердце мое неразрывно с тобою –
С самого детства старушкой-судьбою
Ты мне навек отдана...

IV

НА ТЯГЕ

Вот и опушка, дальше мне не надо
Идти. Здесь сяду, буду ожидать.
Повеяло вечернею прохладой.
Смеркается. Какая благодать!
Сильней запахло клейкими листами
Берёзовая заросль, а за ней,
Над озерком, под тёмными кустами,
Защелкал звонкий майский соловей.
Закат окрасил старую осину
И в лужицу у ног моих взглянул.
Из-за леса сквозного на долину,
Захоркав, вальдшнеп тихо протянул.
Забилось сердце трепетом веселья!
Блеснул огонь, и вальдшнеп вниз упал –
Удача будет! На пенёк присел я
И слушал, как, слабея, замирал
Раскат громовый. Снова, чрез мгновенье
За рощей свист, и снова тянут два:
Я дал по ним три выстрела, в волненьи
Успевши зарядить ружьё едва,
Но эти мимо! И опять молчанье...
А запад уж погас, и надо мной
Звезды зелёной тихое мерцанье.
Темнеет лес. И мне пора домой.
Среди кустов, росистою тропою
Иду и тишиной душа полна.
Над чёрным лесом, прямо предо мною,
Краснея, подымается луна. Иду один.
И думать так отрадно,
Что дома ты, что я люблю тебя,
Что ты моя навек и безвозвратно...
Что целый мир люблю, тебя любя...

НА НОЧЛЕГ

Икона Божьей Матери с Младенцем.
Над нею вербы сломанный пучок,
И вышитое гладью полотенце
Висит с боков, надето на крючок.

Зелёная лампада на цепочке.
Темно в избе. Открыто в сад окно.
Под ним сирени клейкие листочки,
Берёзы распустилися давно.

За садом смех, гармошка, прибаутки
И звонкие девичьи голоса.
Я видел девушку – глаза, как незабудки,
И русая до пояса коса.

СОНЕТ

Я седой, стародавний утес.
Много помнят расселины эти.
Я своим основаньем пророс
Сквозь подземные дрожжи столетий.
Надо мной – грохотание гроз,
Всплески Смерти в томительном свете,
Но не их я боюсь, - а угроз,
Тоскованья подземного сетей.
Все, что было когда-то, жило,
Что от солнца ушло слишком рано, -
Мои камни тоской обросло,
Путь подземный мне в сердце нашло…
И мне тяжко, сладко, и странно…
И сочится рубинами рана…

Абиссиния

* * *

Как странно жить, как странно вспоминать
О том, что было близко и любимо,
И что ушло… А жизнь не хочет ждать
И всё идёт… и всё проходит мимо…
Пора седлать привычного коня, –
Зовёт труба вдали призывно где-то.
Пора мне в путь. Что ждёт ещё меня,
Охотника, скитальца и поэта?
Увижу ль вновь пылающий Суэц,
Леса Цейлона, улицы Шанхая,
Иль, сжалившись, судьба мне наконец
Вернет тебя, Монголия родная?
Степей безлюдных выжженный простор,
Кумирни, позабытые могилы…
Твоих богов незрячий, тёмный взор…
Монголию и время позабыло…
Орлов круги и клёкот в вышине,
Змеи ползущей пёстрые извивы;
В сухой степи, в полночной тишине
Издалека и стоны и призывы…
В кумирне старой, за резным окном,
Визжат божки и крови просят снова.
Я не пойду к ним. За костром ножом
Я начерчу известное мне слово…

Далёк мой путь и нет дорог назад,
Но буду помнить всё же, как когда-то,
Из-под ресниц опущенных твой взгляд
И санный бег по улицам Арбата.

* * *

Синие сумерки тихо слетали,
Медленно вечер угас.
Что-то душой мы опять угадали,
Что-то прошло мимо нас.
Дымная вдаль уводила аллея,
Колокол близко гудел.
Крепче любил я тебя и грустнее,
Но рассказать не сумел.
Как позабыть этот терпкий и влажный
Запах опавших листов,
Этот осенний, унылый, протяжный
Церкви молитвенный зов.
Как позабыть твои тонкие руки,
Маленький жемчуг кольца,
Это предчувствие вечной разлуки.
Призрак, проплывший, конца...

Абиссиния

* * *

В жизни только миги, только миги счастья, -
Только вспышки острых, режущих огней, -
Слишком много ночи, холода, ненастья,
Слишком много мокрых, вяжущих дождей.

Надо больше ветра, надо больше солнца,
Надо больше звонких, скованных дорог.
Надо сильно верить в ждущее оконце, -
Будет, будет наше, - смилуется Бог!

Выше вейте стяги, громче пойте трубы,
Под копытом конским заклубится пыль!
Вижу – по откосам разметались срубы,
Ласково кивает мне родной ковыль!..

Абиссиния

* * *

Уснула жизнь без толку и так тупо.
Устала жизнь, и кажется порой –
Всё миновавшее лишь было очень глупой
И недостойною, ненужною игрой.

А было всё: горенье жаркой крови,
Порыв бойца, кипенье свежих сил...
На это ты брезгливо сморщишь брови? –
Ты сам свои часы остановил.

Но день придёт, и гулко и тревожно,
Пробьёт набат измученной земли.
И то, что мы считаем невозможным,
Вновь позовёт нас властно из дали.

И мрак безличия огнём тоски раздвинув,
Россия позовёт к себе нас, верных, – вновь,
И старый меч из скучных ножен вынув, –
Я вновь пойду на смерть, на бой, на кровь!

Абиссиния

РОДНИЧОК

За пчельником, за чёрною избушкой,
Холодный и прозрачный родничок.
На колышке – берёстовая кружка,
Надетая на срезанный сучок.
Был стан разбит разбойничьей ватаги
Здесь некогда в лесу, тогда глухом.
Здесь было выпито немало браги
Хмельной и зелена вина. Потом
Они ушли, и атаман, для спеху,
Зарыл ботник на белом дне ручья,
Наполненный червонцами, а сверху
Велел насыпать груду кирпича.

НА СТРАСТНОЙ

Я забыл в своей беленькой хате
Абиссинского солнца неволю.
Мне приснилось, что я на Арбате,
Пробираюсь к Девичьему Полю...

Над проржавевшей красною крышей
Ярко-синие луковки храма.
В палисадниках слова не слышно
От веселого птичьего гама.

Разгуделась Страстная Неделя...
И гудит, и гудит непрестанно...
В голубую прозрачность Апреля
Я, как в юность далекую, канул...

Абиссиния,
ж. «Рубеж», 1936 №15 Харбин

* * *

Отслужили вечерню у Троицы.
И народ разбрелся тротуарами.
С провожатыми весело ссорятся
Гимназистки смешливыми парами.

В окнах церкви Училища нашего
Огоньки протянулись шеренгами,
Серый Гоголь загрезил Полтавщиной,
Бронзу рук подперевши коленами.

В переулок с глухими заборами
Небо звездное глянуло весело –
Там, где маленький домик Суворова,
Где черемуха ветви развесила.

Абиссиния

* * *

С. П. Изъединовой

Уж скоро волны золотые
Сомкнутся глухо надо мной,
И пропоют слова чужие
Над замолчавшей головой.
И жизнь, клубясь на тесном шаре,
Забудет выбывшего прочь.
И шар земной, кружась в угаре,
Стремиться так же будет в ночь.
Но через гроб познавши тайну,
Томясь предчувствием других,
Увижу я, что не случайно
В душе рождённой бьется стих.
Освобождённою душою
Приявши трепеты светил,
Кому-нибудь себя открою,
Волью ручей звенящих сил.
Зарею ласково-туманной
Войду меж складками гардин,
И прозвучит тоскою странной
В руках артистки клавесин...
Уютным полон настроеньем,
Приду на лампы поздний свет,
И загорится вдохновеньем
И вздрогнет юноша-поэт.
И если в сумерках ты детям
Расскажешь сказку про меня
И вдруг услышишь в кабинете
Какой-то шорох, – это я...

Абиссиния

* * *

В сердце догорают отблески пожара.
Я сегодня что-то очень много пью.
Плачет о далеком тихая гитара,
Жизнь – стеклянный шарик. Хочешь разобью?

Заплясала тройка. Заметались тени.
Я опять, как прежде, я лечу назад.
Ждет меня родимый, старый дом в сирени,
Голубые ночи. Соловьиный сад...

Все давно минуло... Тройки отзвенели...
Нет дороги... Свет в окне погас...
Только и остались смятые постели,
Только и остался этот томный час.

Пойте же, гитары, звонче, звонче, звонче!
Свечка догорела... Оплывает воск...
Может быть, в разгуле будет ночь короче,
Может быть, скорее утомится мозг...

Абиссиния

* * *

Не надо слез. Не надо слов.
Пора в дорогу. Корабль готов.

Мертвеет небо. Темнеет ночь.
Никто не может уже помочь.

Все было прежде, теперь давно...
Не надо плакать... Мне все равно...

Устал я. Поздно. Желаний нет.
Прощай. Я кончил. Света нет.

Абиссиния

МОЕЙ ЖЕНЕ

С заката солнцу не взойти, –
Туман закрыл родные дали.
И БУБЕНЦЫ отлепетали…
И я опять один В ПУТИ.

ЧУЖИЕ ЗВЕЗДЫ… Я устал.
Воспоминия тускнеют,
Жизнь переполнила бокал,
И капли, падая, твердеют.

Стучат, как град, как янтари
Оборванных старинных чёток:
В них жёлтый лист, в них свет зари,
Простор полей и гнёт решёток.

Ты собери их, собери…
В них я, я жизнь им дал когда-то…
И перевьются ЯНТАРИ
С любимым именем: Агата.

1930, из письма Агаты

* * *

Другу В. А. Башмакову в день его Ангела.
15-VII1935 (ст. ст.)

Быть может, срок уже намечен
И вздох последний близок мой.
Заглянут в гроб пугливо свечи.
Душа уйдёт… опять домой…
И в бесконечности Вселенной,
В приливах и отливах волн,
Забуду я свой образ тленный,
Мой опрокинувшийся чёлн…
И в содроганиях прозренья
Дано внезапно будет мне
То, что поэту вдохновенье
Дарует смутно в смутном сне…
Но знаю, что опять тоскуя
По милой и смешной Земле,
Покорный прошлому, приду я
И спрячусь робко в полумгле.
И будет сладкая отрада,
Как было раз… давным-давно, –
Почуять запах листопада
И заглянуть в твоё окно!..

Парагвай, Асунсион

Е. И. В. ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АНДРЕЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ

От многих берегов я отплывал,
И мир земной давно мне тесен,
Я десять лет беспечно засыпал
Под звуки Абиссинских песен.

И там один, затерянный в горах,
Под грома тяжкие раскаты,
Я понял, как велик, велик Аллах,
И как его веленья святы.

За облака я часто принимал
Сквозные контуры Синая.
Я русскую деревню основал
В лесах глухого Парагвая.

Все страны возвращаются, как сны,
Родная не вернётся только...
На берегу широкой Параны
О Волге я тоскую горько...

Парагвай, Асунсион, 15 января 1936

* * *

Я развернул всю ширь мою,
Все отдал жизни без оглядки.
Теперь читаю жизнь свою
Один с свечой, в тиши палатки.
И пробегая цепи дней,
Душа сгоревшему прощает.
И небо Африки родней
Чужими звездами ласкает...

* * *

Ты вернулась с румяным закатом,
Ты шепнула, нагнувшись: «поверь!..»
В моем сердце, тоскою измятом,
Ты открыла заветную дверь.

Я устал. Дай мне ласково руки,
Дай прижаться к ладоням лицом.
Я бежал от томленья и скуки,
Расскажи мне о доме твоем...

Как усталая цепь каравана,
Здесь проходят столетья и дни,
Но за лунною пряжей тумана
Незаметны, ненужны они.

Там летают прозрачные тени...
Как прозрачны ладони твои...
И в душистой небесной сирени
О забвеньи поют соловьи...

И жемчужные, лунные росы
Отряхают, качаясь, цветы,
И мерцают туманно утесы,
А за ними таятся мечты...

Я взойду за тобой на ступени,
Я пойму трепетанье зари...
Ты прижалась, склонивши колени,
И услышал я только: «гори!» ...

* * *

Агате

Здесь много ярких, странных птиц,
Здесь слишком много ярких красок,
Плетеных хижин, черных лиц, -
Знакомо все из детских сказок.

Я очень рад, попав сюда, -
Слежу изгиб ручья небрежный,
Смотрю, как запад меркнет нежный,
И янтарем горит вода.

По вечерам, издалека,
Приносит ветер запах розы,
И пахнут колкие мимозы,
И дышит тиною река.

Гурагских женщин силуэты
Идут с кувшинами к реке,
Поет багана смутно где-то,
Напоминая о тоске!..

И вновь взволнованный, туманно,
Я слышу сердца голоса.
И вспоминаю странно, странно
Про васильковые глаза.

* * *

...Мне пальмы не нужны...
Верни меня России, Боже!
Мне иволга родимой стороны
Всех райских птиц сейчас дороже...

Парагвай, Асунсион, 12.02.1936

СОДЕРЖАНИЕ:

«Много дорог мной исхожено...» 3
В полях 4
Как прежде....4
Васильки 5
Зимнее утро 5
Старый дом 6
Уро 7
Видно осень близка 7
Перед грозой 8
Осень 8
Романс 9
Весенняя суббота....9
Шарманка 10
Возвращение....11
Жизнь 12
Дали 13
Ялта.... 13
Моей маме.... 14
Романс 14
Берегите цветы 15
Как хочется домой, как тяжела чужбина 15
19 октября 1914 года....16
На буграх 17
Ночью 18
Подожди, подожди до утра 18
Я не люблю людей 19
Дома 20
Жизнь 22
Спокойно спи....23
Одинокой душе безвозвратно минувшего 24
Мне говорят: спасется все ж Россия 25
Сестре 26
Ея Императорскому Величеству Государыне
Императрице Марии Федоровне 26
В моем окне, где в сумерки с шуршаньем 27

Умолк еще один на сердце горький ропот 28
Отчего мне скучно этой ночью? 28
Виденье.....29
Стожар 30
Я видел сон: каникулы и святки 31
Из песен недопетых.....32
Весна во Владимире 32
Солнце ласково греет проталинки 32
В Михайловском 33
На тяге 34
На ночлег 35
Сонет 35
Как странно жить, как странно вспоминать 36
Синие сумерки тихо слетали 37
В жизни только миги, только миги счастья 37
Уснула жизнь без толку и так тупо..... 38
Родничок 38
На страстной.....39
Отслужили вечерню у Троицы.....39
Уж скоро волны золотые 40
В сердце догорают отблески пожара..... 41
Не надо слез. Не надо слов 41
Моей жене.....42
Быть может срок уже намечен 43
Е. И. В. Великому князю Андрею Владимировичу 44
Я развернул всю ширь мою 44
Ты вернулась с румяным закатом 45
Здесь много ярких, странных птиц 46
...Мне пальмы не нужны... 46